

УДК 82-1

DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-1-7-15

Образ мордовского края в творчестве Камиля Тангалычева

С. П. Гудкова

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
sveta_gud@mail.ru*

А. М. Раужина

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
rauzhhina23@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена изучению особенностей художественного воплощения образа мордовского края в творчестве К. Тангалычева и вписывается в комплекс исследований отечественного литературоведения, касающихся проблемы анализа индивидуально-авторского стиля. Предметом анализа стали способы и приёмы создания образа малой родины в прозаических и поэтических текстах автора.

Цель: выявить специфику репрезентации образа мордовского края в художественном наследии К. Тангалычева.

Материалы исследования: поэтические сборники К. Тангалычева «Ближняя деревня» (2001), «Век жестяной» (2014), «Родословная заката» (2017) и книга эссе «Возвращение земляники» (2023).

Результаты и научная новизна. В литературном процессе Мордовии творчество К. Тангалычева, поэта и публициста, занимает особое место. Татарин по национальности, живущий в тесном соседстве с мордовским и русским народами, воспел многонациональный край, богатый культурными традициями. Отличительной чертой художественных произведений автора становится диалектическое сочетание национального и интернационального, бытового и бытийного, древнейшей истории и современности. Научная новизна статьи обусловлена тем, что она представляет собой первый опыт комплексного изучения образа малой родины в литературном наследии автора. В ходе исследования установлено, что публицистические произведения К. Тангалычева глубоко лиричны, а его поэзия пронизана автобиографическим началом. Центральной художественной доминантой его произведений выступает образ малой родины – родного села Акчеево, который мифологизируется в символический образ древнегреческой Эллады – место силы и творческого вдохновения поэта. Сакральность данного географического топоса создаётся за счёт ключевых констант – образа матери, молящейся за своего сына; родной природы, отражающей божественную сущность мироздания; односельчан, хранящих национальные традиции; легендарного исторического прошлого Темниковского края. Лирический герой, тесно слитый с образом самого поэта, глубоко переживает разрушение связей человека с его духовным Домом, отсюда особое значение приобретает мотив памяти как сюжетообразующей основы творчества К. Тангалычева.

Ключевые слова: К. Тангалычев, эссеистика, поэзия, книги стихов, образ малой родины, село Акчеево, лирический герой, мультикультурное пространство

Для цитирования: Гудкова С. П., Раужина А. М. Образ мордовского края в творчестве Камиля Тангалычева // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 1 (56). С. 7–15.

The image of the Mordovian region in the creative work of Kamil Tangalychev

S. P. Gudkova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sveta_gud@mail.ru*

A. M. Rauzhina

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
rauzhhina23@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the study of the peculiarities of artistic embodiment of the image of the Mordovian region in the creative work of K. Tangalychev and fits into the complex of studies of domestic literary studies concerning the problem of analyzing the author's individual style. The subject of analysis is the ways and methods of creating the image of the small homeland in the prose and poetic texts of the author.

Objective: to reveal the specificity of representation of the image of the Mordovian region in the artistic heritage of K. Tangalychev.

Research materials: poetry collections of K. Tangalychev "The Nearest Village" (2001), "The Tin Century" (2014), "The Pedigree of the Sunset" (2017), and the book of essays "The Return of the Strawberry" (2023).

Results and novelty of the research: the creative work of K. Tangalychev, the poet and publicist, occupies a special place in the literary process of Mordovia. Tatar by nationality, living in close proximity to the Mordovian and Russian peoples, he praised the multinational region rich in cultural traditions. A distinctive feature of his artistic works is a dialectical combination of national and international, everyday life, ancient history and modernity. The scientific novelty of the article is due to the fact that it represents the first experience of a comprehensive study of the image of the small homeland in the literary heritage of the author. In the course of the study it was established that K. Tangalychev's nonfiction works are deeply lyrical, and his poetry is permeated with autobiographical beginning. The central artistic dominant of his works is the image of his small homeland – the native village Akcheevo, which is mythologized into a symbolic image of ancient Greek Hellas – the place of strength and creative inspiration of the poet. The sacredness of this geographical topos is created by the key constants – the image of a mother praying for her son; native nature reflecting the divine essence of the universe; fellow villagers preserving national traditions; the legendary historical past of the Temnikovskiy region. The lyrical hero, closely merged with the image of the poet himself, deeply experiences the destruction of human ties with his spiritual Home, hence, the motif of memory as the plot-forming basis of creativity of K. Tangalychev acquires special importance.

Key words: K. Tangalychev, essayism, poetry, books of poems, image of small homeland, Akcheevo village, lyrical hero, multicultural space

For citation: Gudkova S. P., Rauzhina A. M. The image of the Mordovian region in the creative work of Kamil Tangalychev // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2024; 14 (1/56): 7–15.

Введение

Творчество Камиля Тангалычева, народного поэта Республики Мордовия, заслуженного журналиста России известно далеко за пределами мордовского края. Автор около двух десятков книг поэзии («Рябиновые бубенцы» 1992, «Мой поводырь» 1998, «Ближняя деревня» 2001, «Дорога в Казань» 2002, «Век жестяной» 2014, «Родословная заката» 2017 и др.), публицистики и эссе («Лунная мастерская» 1999, «Язык насущный» 2009, «Край поэзии» 2014, «Цветы татарника» 2014, «Возвращение земляники» 2023 и др.) открылся современному читателю как поэт-философ, осмысливающий нерасторжимые связи человека и природы, человека и мироздания; яркий публицист, раскрывающий образ малой родины, знаковых представителей татарской литературы, связанных с Мордovieй, – Шарифа Камала, Хади Такташа, Абдурахмана Абсалямова и др. Его творчество во многом литературоцентрично [4; 14]: в произведениях актуализируются традиции поэтов-классиков, обнаруживаются скрытые аллюзии и реминисценции на русскую поэзию золотого и серебряного века, лучшие образцы советской лирики.

Центральными образами творчества К. Тангалычева выступают образы родного мор-

довского края, его природа, история, традиции. Поэт родился и вырос в селе Акчеёво Ельниковского района Мордовии. Многообразие культурных традиций, окружающее с детства, были восприняты и переосмыслены им. К. Тангалычев по национальности татарин, но взаимодействие с финно-угорской и русской культурами, в тесном соседстве с которыми живёт поэт, позволила ему создать оригинальный «космо-психо-логос». Его своеобразие, по верному замечанию А. А. Гагаева, заключается в том, что «по биологической мутовке оно принадлежит к этнокультурному тюркскому КПЛ (космо-психо-логос – С. Г.), а по культурной мутовке месторазвития – Евразия – русско-му и угрофинскому КПЛ сразу. В этом сила и мощь, драма творчества Камиля Тангалычева» [1, 464].

Прекрасные знания языков (русского, мокшанского, татарского) и культур народов-соседей позволила ему многоаспектно рассказать об их исторических связях, о многополярном мире, центром которого для поэта остаётся небольшое татарское село. Это место становится своеобразной Вселенной автора, где сходятся бытовое и бытийное, природное и рациональное; это место пересечения вневременной памяти человека.

Творчество К. Тангалычева пока ещё не получило развёрнутого научного осмысления в современном литературоведении Мордовии. В поле исследовательского внимания попадают лишь отдельные стороны его поэтики. Так, например, философская наполненность его стихов, синтез культурных евразийских и финно-угорских традиций были рассмотрены в работах А. А. Гагаева [1; 2], С. Н. Степина [7]. Особенности поэтического воплощения национального и интернационального в крупных жанровых формах лирики К. Тангалычева осмысливаются в статье А. М. Каторовой [5]. Анализ поэтологических особенностей его книг стихов дан в работе Е. В. Наумовой [6].

Поэтическое творчество К. Тангалычева получило высокую оценку и за рубежом. Американские издания «Sulphur River» («Серная река»), «Metamorphoses» («Метаморфозы»), «Poetry New York» («Поэтический Нью-Йорк») и др. опубликовали поэтические подборки его стихов на английском языке, назвав творчество К. Тангалычева уникальным явлением в современной поэзии России [14].

Таким образом, несмотря на определённую работу, проделанную современным литературоведением и критикой, всё же многие вопросы, касающиеся проблемно-тематического, жанрового, стиливого своеобразия творчества К. Тангалычева, нуждаются в дальнейшем научном осмыслении. Выявление и изучение творческой самобытности конкретного автора, в частности рассмотрение специфики создания образа малой родины в творческом наследии К. Тангалычева, позволит наметить вектор развития современной региональной поэзии в целом.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили поэзия и эссеистика К. Тангалычева, опубликованная в сборниках «Ближняя деревня» [8], «Век жестяной» [9], «Возвращение земляники» [10] и «Родословная заката» [11].

Были использованы методы: культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный, биографический, а также метод целостного анализа художественного произведения.

Результаты

В литературном процессе Мордовии творчество К. Тангалычева выделяется прежде всего

синтезом лирического и эпического начала. Доминантными чертами его художественного стиля являются глубокая философичность и лирическая наполненность. Причём это наблюдается не только в лирике, но и в прозе. Поэтическая составляющая находит яркое отражение в его публицистике и мемуаристике, подтверждением чему может служить одна из последних книг К. Тангалычева «Возвращение земляники» (2023), которая стала художественной исповедью писателя о себе и своём нелёгком пути в литературный мир, а также сокровенным рассказом о своей малой родине. Книга вышла к 55-летию автора, став своеобразным подарком себе и своему читателю. В неё вошли разножанровые произведения: эссе, заметки, рассказы-воспоминания, лирические зарисовки. Заметим, что «Возвращение земляники» – это не конгломерат эссеистических произведений, а целостная книга, раскрывающая внутренний мир поэта, его «болевы точки». На первый взгляд, читателю покажется, что в ней нет единого развития сюжета, хронологического событийного плана, характерных для автобиографий. Однако, помещённые под одной обложкой ранее написанные произведения, композиционно выстроены так, что читатель идёт прежде всего не по основным этапам жизни и творчества поэта, а каждый раз останавливается вместе с ним на важных эмоциональных моментах. Книга становится своеобразной поэтической летописью внутренних переживаний человека. По справедливому замечанию исследователей, именно мотив воспоминания становится важным сюжетообразующим компонентом книги как целостного художественного единства [12; 15; 16; 17]. Читатель идёт вслед за автором по вехам его воспоминаний, попадая то в крестьянское одинокое детство поэта, которое ассоциируется со вкусом малины («Ел ягоды, тёплые и сочные и мечтал. Подолгу мечтал в малиннике о будущем, о достижениях. Потому до сих пор моё детство для меня, кажется, имеет вкус малины» [10, 66]); то наблюдаем за внутренней рефлексией по поводу несовершенств современного мира, где достаточно сложно пробиться сквозь конъюнктурные рамки различных литературных объединений и организаций («... в пятьдесят с лишним лет, я так и остаюсь мало кем прочитанным кустарём-одиночкой. Утешаю себя тем, что я стихотворец в глазах Вселенной,

которую сам сочинил для себя – творящей, всемогущей, внимающей мне, понимающей меня и признающей» [10, 4]), а затем вновь наблюдаем за юношеским взглядом поэта на свою патриархальную родину, которая и явилась источником его поэтического вдохновения и жизненной силы («Откуда-то снова и снова вижу угасающую, лесную, глухую деревню где-то там – на моей родине. Что для меня является такая деревня? Должно быть, время – накануне нового творения мира...» [10, 185]).

Меняя пространственно-временные ракурсы авторских наблюдений, неизменным остаётся одно – это точка отсчёта: поэт и его корни, генетическое родство. К. Тангалычев отказывается от хроникального повествования. Мозаичность воспоминаний, эпизодов, встреч, размышлений постепенно перерастает в авторскую исповедь о собственных внутренних сомнениях и переживаниях: «Почему я, деревенский мальчик, скромно, как неприметный цветок, вырастая на этой тихой, скромной земле, вдруг захотел стать поэтом?» [10, 8]. Сюжетобразующей основой книги К. Тангалычева и становится поиск ответа на волнующий его вопрос. Поэтому так много внимания в книге отведено детству и родному селу Акчеево Ельниковского района Мордовии. Осмысливая свои родовые корни, автор пытается понять, откуда у него появилась тяга к поэтической Вселенной.

Родившись в обычной крестьянской семье, К. Тангалычев любил читать книги, мечтать о встрече с поэтическими кумирами. Своими наставниками он считал русских поэтов-классиков: Е. А. Баратынского, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета; чувствовал поэтическое родство с «тихой» лирикой. Особое влияние на поэтическое мировидение автора оказало творчество русского поэта-философа Ф. И. Тютчева. Не раз в своих воспоминаниях автор подчёркивал: «Своевременно пришёл в мою жизнь этот поэт со стихами о живой мыслящей природе... Тютчев окажется во многом мне близок» [10, 34].

Мотив одиночества и непонимания, словно сердечная боль, пронизывает всю книгу «Возвращение земляники». Эта боль прежде всего возникает от непонимания и неприятия его устремлений самыми близкими людьми – родителями, которые никогда не читали его стихов. На протяжении всей своей сознательной жизни поэт переживает чувство «нереализованности

родительских ожиданий»: отец и мать не разделяли его увлечений литературой и мечтали о внуках. Простые люди, всю жизнь прожившие в деревне, занимающиеся тяжёлой работой на земле, мечтали о простом человеческом счастье для своего ребёнка. Но вот понимание счастья расходилось: «Пел я свою соловьиную песню и как раз тем самым не сумел по-настоящему состояться в глазах матери; состояться так, чтобы душа её пела, ликовала и торжествовала при жизни» [10, 212].

Образ матери, переживающей за своего сына, присутствует почти в каждом очерке: «После завершения торжественного мероприятия в Саранске, где мне вручили государственную награду – грамоту и знак народного поэта Мордовии, я сразу же, сверкая на весеннем солнце значком на груди, позвонил матери в деревню и сообщил о награждении. Она произнесла молитву, должно быть, от радости, а более всего – из-за постоянного материнского беспокойства о сыне. И всегда, когда я звонил матери в деревню, она читала мне по телефону молитву; она молилась в том числе и за моё литературное творчество, составившее мою повседневную жизнь, хотя и не читала моих книг...» [10, 74].

Оглядываясь в прошлое, писатель постоянно ищет опору в дорогом сердцу образе. Ощущение несказанных главных слов о своей любви матери, обида на собственное равнодушие, упущенные мгновения близости вновь и вновь настигают его, погружая в ностальгические картины недавнего прошлого: «В пустом доме на стене и сейчас висят мои детские фотографии, на которые постоянно смотрела моя мать и посылала мне, через мой образ, искренние молитвы. Будто в фотографиях и я остался в пустом доме. И мне, живущему в городе за много километров от Акчеева, сейчас страшно в Акчееве... Впервые страшно в этом доме – без матери» [10, 103]. Или: «Какое-то особенное, трогательное, щемящее мгновение я упустил – будто упустил время и возможность исцеления, не сфотографировав мать с зверобоем в руках. Будто и время собственно душевного исцеления я упустил. И вообще, многое упустил в жизни – как это мгновение, и сейчас гложет меня вина, болит эта вина во мне» [10, 99].

Через воспоминания, жизненный опыт, поэт пытается донести главную мысль о том,

что в погоне за своей мечтой, достижениями поставленных целей, человек теряет главное – связь со своими корнями, предками, малой родиной. Образ малой родины, села Акчеева, – центральный в художественной системе книги К. Тангалычева. Этот образ многомерен, состоит из важных нравственно-этических составляющих. Он вбирает в себя не только образы родителей, семейного очага, но и родной природы, односельчан, национальных традиций. Книга наполнена воспоминаниями о соседях, знакомых, родственниках. Жизненные истории бабушки Шарифи, Хасяна бабая, Камиля абзи, отца о своих предках также становятся ценными для автора. Однако и воспоминания о них часто омрачаются болезненными ощущениями об упущенных возможностях при внимательном взглядывании в их судьбы: «Я только об одном сегодня хотел бы себя попросить, обращаясь в своё детство: быть внимательнее к близким людям; быть бережнее к маленьким, но дорогим и сокровенным событиям. Вот что по-настоящему имеет значение: свежесть травы под босыми ногами младенца, запах зацветающей пижмы из детства, подовый ржаной хлеб, вынутый из печи; и само детство, непременно становящееся как отрезанный ломоть...» [10, 73]. Через осколки памяти, отрывочные рассказы о предках, семейных традициях, реликвиях автор пытается реконструировать родословную, чтобы нащупать своё место в истории семьи и понять своё предназначение.

Многие предки поэта по отцовской линии были мастерами. Село Акчеево славилось жестянщиками, они могли управлять металлом, заставляя железо подчиняться воле и желаниям человека. Поэт чувствует неразрывную связь с предками, его призвание также сродни мастерским-жестянщикам – управлять поэтическим словом. Не случайно автор подчёркивает: «И мне остаётся одно: благодарно быть собой – мастером в поэзии. Жестянщиком стиха. И всегда учиться у природы» [10, 93]. Данная мысль находит яркое воплощение и в поэтическом творчестве К. Тангалычева: «Родом из неба моё вдохновенье. / На жести заката порой / Мне посылает стихотворенья / Русской поэзии век золотой. / Лермонтов, Пушкин, / Мой прадед-жестянщик – / Вселенной самой мастера. / Сегодня страницы небес, шелестящих / Вновь незаметно коснулись пера» [9, 15].

Небольшое татарское село, расположенное в Ельниковском районе Мордовии, становится, как мы уже отмечали, не просто местом рождения поэта, а точкой Мироздания, где он черпает вдохновение, берёт жизненные силы. Синтез национальных традиций, безусловно, повлиял на становление индивидуально-авторской манеры К. Тангалычева. Не соглашаясь с мнением литературоведа Г. Горбунова, который назвал творчество К. Тангалычева «татарским компонентом» в мордовской литературе [10, 43], сам поэт считает себя темниковским татаринцем, вдохновлённым Мордовией и пишущем на русском языке об её красоте и национальном богатстве. Писатель, говоря о культуре своего народа, постоянно подчёркивает: «прислушиваясь к своему мироощущению, мы и в русской песне узнаём родство своё, вспоминаем свою древнюю духовную историю. Значит, и наши древние предки-татары сочиняли русскую песню. И народ не теряет своей ценности – как самостоятельный субъект истории, имеющий собственное уникальное предназначение» [10, 31].

Если обратиться к поэтическому наследию автора, то можно отметить, что все стихотворения К. Тангалычева объединяет идея взаимосвязи времени и человека, идентифицирующего себя в многонациональном пространстве, когда мордвин, татарин, русский мыслят, чувствуют, переживают и творят на одном языке – «языке сердца». Миссию поэта он прежде всего видит в возможности воспевать свою малую родину языком великих поэтов-классиков: «О звёздах, о Вселенной, о закатах, о грозах и о лунном сиянии над моей родиной, расположенной непременно в центре планеты Земля, я писал пушкинским стихотворным размером» [10, 175]. Прозаическая книга «Возвращение земляники» становится своего рода песней о родной земле, Темниковском крае с его богатой историей, который, к великому сожалению К. Тангалычева, не был удостоен внимания А. С. Пушкина: «... не воспет поэтом Темниковский край – земля князей, мурз, земледельцев и воинов...» [10, 175]. Эту историческую несправедливость и исправляет современный автор.

Важное значение в понимании идейно-художественного плана книги имеет и её название. Драматическая тональность создаётся через ощущение вымирания родной деревни,

скоротечности человеческой жизни. Автор с ностальгической грустью повествует об ушедших людях, традициях; ему тяжело смотреть на покосившиеся домики, пережившие своих хозяев. Неспешный жизненный ход времени уводит односельчан в иной мир, иное пространство, оставляя лишь боль воспоминаний о них. Однако неизменной остаётся родная природа: буйство трав, шум дождя, белоснежные берёзы и дурманящий запах земляники. Эта чудесная ягода каждое лето возвращается со своим неповторимым вкусом детства, напоминая нам о самых счастливых мгновениях прошлого: «Земля сама творит своё спасение, земля сама становится Богом для самой себя. Ягоды в опустевшем краю – как весть о спасении земли. Вернее – как весть об изначальной спасённости стихии» [10, 55]. Именно эту мысль прежде всего актуализирует в своей книге автор.

Похожие мотивы звучат и в поэтических книгах К. Тангалычева. Его поэзия во многом автобиографична. Всё, что наполняет авторскую эссеистику, словно в зеркале отражается и в его стихах. Именно образ малой родины становится сюжетобразующим в его сборниках «Рябиновые бубенцы», «Ближняя деревня», «Родословная заката». Следует подчеркнуть, что многие его поэтические сборники выстраиваются по жанровым принципам книги стихов как крупной поэтической формы, где прослеживается некий лирический сюжет, скреплённый сквозными образами и мотивами. Жанровые возможности книги стихов позволяют укрупнять авторское видение, представлять эмоции в их динамическом развитии [3; 4; 12; 13]. Так, например, стихотворение «Возвращение земляники», название которого выбрано для одноимённой книги, становится своеобразной завязкой лирического сюжета книги стихов «Родословная заката»: «Здесь безлюдье возродилось – / Добрая земля пуста... / Земляника возвратилась / В позабытые места / Снова на заре восточной / Покраснели здесь поля / Земляником кровотоцит / Позабытая земля» [11, 15].

К. Тангалычев отказывается от возвышенной лексики, использует несложные синтаксические конструкции. Поэтическое слово рождает узнаваемую с детства картину. Односоставные предложения создают ощущение глубокого волнения, невозможности передать всю гамму чувств и эмоций. Синтаксический и

ритмико-интонационный рисунок (чаще всего четырёхстопный ямб в сочетании со стопами пиррихия) передают внутренний трепет лирического героя от воспоминаний детства, от созерцания родной природы, которая вбирает в себя образ родного дома, тесно слитого с образом матери: «Вот озеро. Камыш. Деревья, / Отображённые в воде. / А возле озера деревня, / Какую не найти нигде. / Она в густеющем тумане / Ещё заметная едва. / Живёт в деревне этой мама, / Старее. Молится. Жива» [11, 13].

Все самые сокровенные тайны, о которых говорит автор в своих эссеистических произведениях, получают почти буквальное лирическое воплощение в его стихах. И здесь сквозным образом выступает образ матери, молящейся за своего сына, его судьбу. Однако возможности лирики как рода литературы позволяют переосмыслить частные моменты жизни отдельного человека и передать общечеловеческие ценности [18, 234]. Обида и грусть отдельной личности переходит в философские размышления о скоротечности времени, потери родственных связей. Внутренняя боль и драматические моменты наполняются в лирике К. Тангалычева элегической тональностью и светлой грустью («На родине я вижу вечность», «Золотая повесть детства», «Деревня сумраку внимаешь», «В грозу придя в места глухие», «Я расплескал свою деревню» и др.). Материнская любовь становится всеобъемлющей, выступает маркером Вселенской жизни, сливается с образом родной природы: «И в метели длится, длится / Материнский свет в окне, / И татарская молитва / О России – обо мне. / <...> / Вечность дома – на просторе / Среди заснеженных полей... / Божье слово мирно вторит / Слову матери моей» [11, 62–63].

Ключевые константы – Мать – Бог – Дом тесно переплетаются в поэзии К. Тангалычева, становясь некой мифологемой. Подобно поэтам «тихой лирики» современный автор мифологизирует малую родину, наделяя её чертами древней Эллады, где лирический герой, словно Одиссей, бороздит по волнам памяти. В отличие от древнегреческих аргонавтов, ему не приходится искать «золотое руно», оно найдено («Мне вспомнилась погибшая Эллада, / Поскольку Зевс над Аргою возник» [11, 69]). В предисловие к одному из своих сборников поэт отметил: «Много деревень в моём краю разрушилось, угасло. Но мне кажется, развалины

этих деревень, для мировой божественной культуры не менее ценны, чем развалины Элады или Древнего Рима. Там была высокая цивилизация, но здесь был недосягаемый Бог. Там были великие тайны, но здесь был великий мир...» [8, 4].

Поэту важно сохранить этот древний патриархальный мир, где в центре Мироздания стоит деревенская изба. Продолжая традиции новокрестьянских поэтов, К. Тангалычев актуализирует образ Избы как сакрального Дома, который имеет множество семантических значений, – это и жильё, место, где человека ждут и любят; это и семья, где крепки генетические связи поколений; это и место уединения лирического «Я». В то же время поэт актуализирует образ деревенской избы как образ духовного Дома, места, где начинается родина: «Изба мерцает в центре мироздания, / Наверно, бесконечно много лет. / И если вдруг закончится мерцанье, / То сразу же погаснет белый свет» [11, 81].

Сквозными метафорическими образами книги стихов «Родословная заката» выступают: «угасающая деревня», «пустая изба»; «грядущий путь», заросший крапивой, «последняя дорога», «небытие заката», раздающаяся болью тишина, «раскалённая пустыня» и др. Его волнует судьба уходящей в прошлое малой родины. С её потерей человек утрачивает свою нравственную опору, связь с культурой, традициями, родным народом: «Что станет с ближнею землёй моей, / С избой нашей, мамой и рекою? / Что станет с бесконечностью полей? / До них пока ещё подать рукою» [11, 63].

Представляя многомерность образа малой родины, поэту важно подчеркнуть свою национальную принадлежность, связь с корнями. Безусловно, мусульманская культура и мусульманские традиции наполняют поэзию К. Тангалычева. Однако, заметим, что лирику важно подчеркнуть мультикультурное пространство, в котором находится лирический герой, образ которого тесно слит с образом самого поэта. Культурные традиции русского, татарского и мордовского народов восприняты автором в тесном единстве, на что не раз указывали отечественные исследователи [5; 7; 14]. Поэтическим рефреном звучит мысль поэта о том, что «Бог со мной говорит по-татарски, / Полнолунием во мраке звеня... / Даже русский язык по-татарски / В раннем детстве окликнул

меня» [11, 57]. Лирический герой К. Тангалычева с рождения слышит голоса разных культур («Мне родина моя недаром – / Как центр единственной земли. / Здесь не евреи, не татары – / Мордва союзники мои» [11, 10]), но свою родину он воспринимает в единстве этих голосов. Совершенно справедливо А. А. Гагаев, раскрывая самобытность поэзии К. Тангалычева, отмечает: «В его стихах Всевышний, ангелы, бесы, херувимы, шумные домовые, пророки, Иван Грозный, Сююмбике, татарские старики-старухи, мордовки – очень хорошо уживаются между собой и “помогают” автору поэтично радоваться, печалиться, ликовать, размышлять, тревожиться» [2, 10].

Знаковым в этом отношении становится и финальное стихотворение книги – «Бехан», в котором утверждается легендарное историческое прошлое Темниковской земли, кровное родство с которой так сильно ощущает поэт: «Я князю лишь по матери потомок, / А не потомок князю по отцу / Но он из исторических потёмок / Меня узнал, наверно, по лицу» [11, 129]. Именно поэтому важное идейно-смысловое значение несёт и метафорический заголовок книги. «Родословная заката» – это репрезентация своей малой родины, её природного и духовного богатства; это чувство неразрывной связи человека и его корней. При этом образ заката амбивалентен: он символизирует не только судьбу малых деревень, обречённых на разрушение, но и сакральную надежду на значимость воспоминаний в жизни человека.

Обсуждение и заключение

Таким образом, как показало проведённое исследование, творчество К. Тангалычева представляет собой яркое самобытное явление в мордовской литературе. Его публицистика и поэзия во многом автобиографичны, пронизаны глубокой лиричностью и ностальгической грустью по уходящим в прошлое ценным моментам жизни. Для воссоздания целостного авторского взгляда писатель использует жанровую форму лирической книги. Важное значение в ней приобретает архитектоника, исповедальная наполненность, своеобразие нарраторской позиции, метафорический заголовочный комплекс. Сюжетообразующим началом таких книг чаще всего выступает образ мордовского края – села Акчеево – малой родины поэта. Данный географический топос во многом

мифологизируется в творчестве К. Тангалычева, перерастая в символический образ разрушенной Эллады, которая сохраняется благодаря поэтическим воспоминаниям автора. Продолжая традиции «тихой лирики» и новокрестьянских поэтов, современный автор актуализирует центральные смысловые константы: Мать – Бог – Дом, которые выступают в нераз-

рывном единстве, перерастая в образ Духовного Дома. Его семантическая составляющая включает картины родной природы, образы близких людей, размышления об историческом прошлом мордовского края. Многонациональная картина мира творчества К. Тангалычева создаётся за счёт синтеза татарской, мордовской и русской культурных традиций.

Список источников и литературы

1. Гагаев А. А., Кудяева Н. В. Угро-финский космо-психо-логос. Саранск: Рузаевский печатник, 2009. 614 с.
2. Гагаев А. А. Родина поэзии // К. Тангалычев. Избранное. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006. С. 5–12.
3. Гудкова С. П. Жанрово-стилевые особенности поэзии И. Г. Осьмухина // Вестник угроведения. 2023. № 1 (52). С. 43–52.
4. Гудкова С. П., Хозяйкина А. В. Особенности развития книги стихов в современной поэзии Мордовии (на материале поэтических книг А. М. Шаронова «Монологи» и С. Ю. Сеничева «ВИНОГРАДvШОКОЛАДе, или Словосложение») // Вестник угроведения. 2021. № 1. С. 16–24.
5. Каторова А. М. Поэма «Вещий сон Тукая о Казани» К. Тангалычева как отражение «бытия поэзии» // Филология и культура. 2020. № 3. С. 141–148.
6. Наумова Е. В. Человек и время в финно-угорской поэзии Мордовии рубежа XX–XXI вв. (на материале творчества К. А. Тангалычева) // Финно-угорский мир. 2013. № 2. С. 54–58.
7. Степин С. Н. Образ дерева в лирической поэзии Камиля Тангалычева (на примере сборника «Век жестяной») // Евсевьевские чтения. Серия: Эмотивность художественного текста и способы её репрезентации: сб. науч. тр. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2017. С. 39–43.
8. Тангалычев К. Ближняя деревня: книга стихотворений. Саранск: Красный Октябрь, 2001. 95 с.
9. Тангалычев К. Век жестяной: стихотворения. Саранск: Красный Октябрь, 2014. 96 с.
10. Тангалычев К. Возвращение земляники: записки. Саранск: Красный Октябрь, 2023. 272 с.
11. Тангалычев К. Родословная заката: стихотворения. Саранск: Красный Октябрь, 2017. 136 с.
12. Хозяйкина А. В. «Итоговая» книга стихов как крупная жанровая форма в восприятии отечественного литературоведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 8. С. 2419–2424.
13. Шаронова Е. А., Савонина Н. А. Идея Вечной женственности в поэзии А. М. Шаронова (на материале стихотворения «Валентина») // Litera. 2023. № 5. С. 10–18.
14. Furbish D. The poetry of Kyamil Tangalychev: introduction to the West // Sulphur River literary Review. Austin, Texas: Sulphur River Literary Review, 1996. Vol. 12. Pp. 16–19.
15. Contemporary British Poetry: Essays in Theory and Criticism by James Acheson, Romana Huk Out of Dissent: A Study of Five Contemporary British Poets by Clive Bush // Criticism. 1998. Vol. 40. № 2. Pp. 313–322.
16. Contemporary Irish poetry: A collection of critical essays / Ed. E. Andrews. London: Macmillan, 1992. 355 p.
17. Lachmann R. Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. 554 p.
18. René Wellek and Austin Warren. Theory of literature. New York: Penguin Books, 1956. 384 p.

References

1. Gagaev A. A., Kudyaeva N. V. *Ugro-finskij kosmo-psiho-logos* [Ugro-Finnish cosmo-psycho-logos]. Saransk: Ruzaevskiy pechatnik Publ., 2009. 614 p. (In Russian)
2. Gagaev A. A. *Rodina poezii* [Homeland of poetry]. K. Tangalychev. *Izbrannoe* [K. Tangalychev. Selected works]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 2006. Pp. 5–12. (In Russian)
3. Gudkova S. P. *Zhanrovo-stilevye osobennosti poezii I. G. Osmuhina* [Genre and style features of I. G. Osmukhin's poetry]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 1 (52), pp. 43–52. (In Russian)
4. Gudkova S. P., Khozyajkina A. V. *Osobennosti razvitiya knigi stihov v sovremennoj poezii Mordovii (na materiale poeticheskikh knig A. M. Sharonova "Monologi" i S. Yu. Senicheva "VINoGRADvSHOKoLADe, ili Slovoslozhenie")* [Features of the development of books of poems in modern Russian language poetry of Mordovia (on the material of the poetry books by A. M. Sharonov "The Monologues" and S. Yu. Senichev "Grapes in Chocolate, or Compounding")]. *Vestnik Ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (1), pp. 16–24. (In Russian)
5. Katorova A. M. *Poema "Veshchij son Tukaya o Kazani" K. Tangalycheva kak otrazhenie "bytiya poezii"* [The poem "Tukaj's Prophetic Dream of Kazan" by K. Tangalychev as a reflection of the "being of poetry"]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2020, no. 3, pp. 141–148. (In Russian)

6. Naumova E. V. *Chelovek i vremya v finno-ugorskoj poezii Mordovii rubezha XX – XXI vv. (na materiale tvorchestva K. A. Tangalycheva)* [Man and time in the Finno-Ugric poetry of Mordovia at the turn of the XX–XXI centuries (on the material of K. A. Tangalychev’s creative work)]. *Finno-Ugorskiy Mir* [Finno-Ugric World], 2013, no. 2, pp. 54–58. (In Russian)
7. Stepin S. N. *Obraz dereva v liricheskoj poezii Kamilya Tangalycheva (na primere sbornika “Vek zhestyanoj”)* [The image of a tree in the lyric poetry of Kamil Tangalychev (on the example of the collection “The Tin Century”)]. *Evsev’evskie chteniya. Seriya: Emotivnost’ hudozhestvennogo teksta i sposoby ee reprezentacii: sb. nauch. tr.* [Evseyev’s Readings. Series: Emotivity of the artistic text and ways of its representation: collection of scientific articles]. Saransk: Mordov. gos. ped. in-t Publ., 2017. Pp. 39–43. (In Russian)
8. Tangalychev K. *Blizhnaya derevnya: kniga stihotvorenij* [The Nearest Village: book of poems]. Saransk: Krasny Oktyabr Publ., 2001. 95 p. (In Russian)
9. Tangalychev K. *Vek zhestyanoj: stihotvoreniya* [The Tin Century: poems]. Saransk: Krasny Oktyabr Publ., 2014. 96 p. (In Russian)
10. Tangalychev K. *Vozvrashchenie zemlyaniki: zapiski* [The Return of the Strawberry: notes]. Saransk: Krasny Oktyabr Publ., 2023. 272 p. (In Russian)
11. Tangalychev K. *Rodoslovnaya zakata: stihotvoreniya* [The Pedigree of the Sunset: poems]. Saransk: Krasny Oktyabr Publ., 2017. 136 p. (In Russian)
12. Khozyajkina A. B. *“Itogovaya” kniga stikhov kak krupnaya zhanrovaya forma v vospriyatii otechestvennogo literaturovedeniya* [The “final” book of poems as a major genre form in the perception of domestic literary studies]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2022, no. 15 (8), pp. 2419–2424. (In Russian)
13. Sharonova E. A., Savonina N. A. *Ideya Vechnoj zhenstvennosti v poezii A. M. Sharonova (na materiale stihotvoreniya “Valentina”)* [Idea of Eternal femininity in the poetry of A. M. Sharonov (on the material of the poem “Valentina”)]. *Litera* [Litera], 2023, no. 5, pp. 10–18. (In Russian)
14. Furbish D. The poetry of Kyamil Tangalychev: introduction to the West. *Sulphur River Literary Review*. Austin, Texas: Sulphur River Literary Review, 1996. Vol. 12. Pp. 16–19. (In English)
15. Contemporary British Poetry: Essays in Theory and Criticism by James Acheson, Romana Huk Out of Dissent: A Study of Five Contemporary British Poets by Clive Bush. *Criticism*, 1998, no. 40 (2), pp. 313–322. (In English)
16. *Contemporary Irish poetry: A collection of critical essays*. Ed. E. Andrews. London: Macmillan, 1992. 355 p. (In German)
17. Lachmann R. *Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. 554 p. (In German)
18. René Wellek and Austin Warren. *Theory of literature*. New York: Penguin Books, 1956. 384 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гудкова Светлана Петровна, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук.

sveta_gud@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5894-6347

Раужина Анастасия Михайловна, магистрант кафедры русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68).

rauzhhina23@mail.ru

ORCID ID: 0009-0001-9563-3390

ABOUT THE AUTHORS

Gudkova Svetlana Petrovna, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68), Doctor of Philological Sciences.

sveta_gud@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5894-6347

Rauzhina Anastasia Mikhaylovna, Master Student, Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68).

rauzhhina23@mail.ru

ORCID ID: 0009-0001-9563-3390